

К 1913

Э II 9289.

К 1910 С 1167

К 1916 С 176

Э II 9289.

ПОЛТАВА.

С П Л О Т

А В А Т Д О И

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

ВЪ КОП.

30219

Переводъ
1950

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Русское владычество на Югѣ; обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ, и доказала Государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка Шведскаго Короля вошла въ поговорку. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожь симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ

ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавного владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семь походѣ Карль XII менѣе, нежели когда нибудь, встрѣлся своему счастию: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣгательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его жестолобцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣніяхъ, клеветникомъ Самойловича, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его,

преданная Церковю анаѳемъ, не можетъ из-
бѣгнуть и проклятія теловѣчества.

Нѣкто въ романической повѣсти изобразилъ
Мазепу старымъ прусомъ, блѣднѣющимъ
предъ вооруженной женщиною, изобрѣтаю-
щимъ утонченныя ужасы, годныя во Фран-
цузской мелодрамѣ, и пр. Лучше было бы
развить и объяснить настоящей характеръ
мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно
историческаго лица.

31 Января,
1829.

1916

ПОСВЯЩЕНІЕ.

К 1911 С

Тебѣ — но голосъ музы шѣмной
Коснешся ль уха швоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Спремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ побою безъ опвѣша
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пущыня,
Последній звукъ швоихъ рѣчей
Одно сокровище, свящыня,
Одна любовь души моей.

Ты — не женой милой

Коснется ли твоя рука?

Иль встану ли на твою сторону?

Смешливое сердце мое?

Или пожелание твою,

Или наговоры его любить,

Или же любовью без оценок

Иль же, недрогнувшее сердце?

Узнай, но раньше

Вспомни, какое тебе

И узнай, что не

В твои времена

Твои времена и

История твоя

Одно сокровище, единично

Одна любовь, твой

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1919

ПОЛТАВА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богащъ и славень Кочубей ¹.

Его луга необозримы ;
Тамъ шабуны его коней
Пасушся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полшавы хушора ²
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, апласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богащъ и гордь
Не долгогривыми конями ³,
Не злашомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хушорами,

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И по сказать: въ Полшавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ
Взмелѣянный въ шѣни дубравной.
Какъ шополь Кіевскихъ высопъ
Она спройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминающъ плавный ходъ,
То лани бысприя спремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла.
Вокругъ высокаго чела,
Какъ шучи, локоны чернѣющъ.
Звѣздой блестящъ ея глаза;
Ея уша, какъ роза, рдѣющъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ молодой Маріи почпена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.

За по завидныхъ жениховъ
 Ей шлеть Украина и Россія;
 Но опъ вѣнца, какъ опъ оковъ,
 Бѣжишь пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ опказъ — и вопъ
 За ней самъ Гепманъ свашовъ шлеть 4.

Онъ спарь. Онъ удручень годами,
 Войной, забошами, шрудами;
 Но чувсшва въ немъ кицашъ, и вновь
 Мазепа вѣдаешъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горить и гаснешъ. Въ немъ любовь
 Проходишь и приходишь вновь,
 Въ немъ чувсшво каждый день иное:
 Не споль послушно, не слегка,
 Не споль мгновенными спраспиями
 Пылаешъ сердце спарика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнь спраспей разкалено;

Но поздній жаръ ужъ не оспынешь
И съ жизнью лишь его покинешь.

Не серна подь ушесь уходишь,
Орла послыша шяжкій лешь;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродишь,
Трепещеть и рѣшенья ждешь.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней машь идешь, и съ содроганьемъ
Схвавишь ей руку, говоришь:
« Безсмыднѣй! спарець нечестивый!
« Возможно ль?.. нѣшь, пока мы живы,
« Нѣшь! онъ грѣха не совершишь.
« Онъ, должный бышь ошцемъ и другомъ
« Невинной крестницы своей...
« Безумецъ! на закашъ дней
« Онъ вздумалъ бышь ея супругомъ. »

Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ какъ неживая
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрываетъ очи — и ни слова
 Не говоритъ. Опець и маць
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горестъ разогнать,
 Тревогу смущныхъ думъ успроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то спеня,
 Марія не пила, не ѣла,
 Шапаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На прешій день
 Ея свѣшлица опустила.

Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбаць
 Той ночью слышалъ конскій попошь,
 Козачью рѣчь и женскій шопошь,
 И упромъ слѣдъ осьми подковъ
 Былъ видѣнь на росѣ луговъ.

Не шолько первый пухъ ланишь,
 Да русы кудри молодые,

Порой и старца спрогий видь,
 Рубцы чела, власы сѣдые
 Въ воображенье красоны
 Влагають спраспныя мечшы.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣспь:
 Она забыла спыдь и чеспъ,
 Она въ объспіяхъ злодѣя!
 Какой позорь! Опець и мапъ
 Молву не смѣють понимашъ.
 Тогда лишь испина явилась
 Съ своей ужасной нагопой.
 Тогда лишь шолько объяснилась
 Душа преспуницы молодой.
 Тогда лишь шолько спало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейспвенныхъ оковъ,
 Томилась шайно, въздыхала
 И на привѣшы жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ ошвѣчала;
 Зачѣмъ шакъ шихо за споломъ

Она лишь Гешману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слогадь 5,
 Когда онъ бѣдень былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный спрой,
 И бранный звонъ лишавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавой
 Малороссійскаго владыки 6...

Богатъ и знашень Кочубей.
 Довольно у него друзей.
 Свою омышь онъ можешъ славу.
 Онъ можешъ возмушишь Полшаву;
 Внезапно средъ его дворца
 Онъ можешъ мщеніемъ опца
 Посшигнушь гордаго злодѣя;
 Онъ можешъ вѣрною рукой

Вонзипь... но замысль иной
 Волнуешь сердце Кочубея.

Была та смушная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ геніемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукъ славы
 Ей данъ учипель: не одинъ
 Урокъ нежданный и кровавый
 Задалъ ей Шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары
 Перешерпъвъ судьбы удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млашь,
 Дробя стекло, куешь булашь.

Вѣнчанный славой бесполезной,
 Ошважный Карль скользиль надъ бездной.
 Онъ шель на древнюю Москву,
 Взмешая Рускія дружины,
 Какъ вихорь гонипь прахъ долины
 И клонипь пыльную праву.

Онъ шель пушемъ, гдѣ слѣдъ оставиль
 Въ дни наши новый, сильный врагъ,
 Когда паденіемъ ославиль
 Мужъ рока свой попяшный шагъ 7.

Украйна глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой спарины
 Народной чаяли войны,
 Ропшали пребуя кичливо,
 Чшобъ Гешманъ узы ихъ расшоргъ,
 И Карла ждалъ неперпѣливо
 Ихъ легкомысленный воспоргъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мяшежный крикъ: пора, пора!
 Но спарый Гешманъ оставался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровость обычайну,
 Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
 Молвъ, казалось, не внималъ
 И равнодушно пировалъ.

« Чпо жь Гешмань? юноши швердили,
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ спарь;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣяшельный жарь.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы грянуть намъ войною
 На ненависную Москву!
 Когда бы спарый Дорошенко ⁸,
 Иль Самойловичь молодой ⁹,
 Иль нашъ Палѣй ¹⁰, иль Гордѣнко ¹¹
 Владѣли силой войсковою;
 Тогда бь въ снѣгахъ чужбины дальшой
 Не погибали козаки,
 И Малороссіи печальной
 Освобождались ужь полки ¹². »

Такъ, своеволиемъ пылая,
 Ропшала юношп удалая,
 Опасныхъ алча перемѣнь,
 Забывъ опчизны давній плѣнь,
 Богдана счастливые споры,

Свяшья брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходишь оспорожно
И подозрительно глядишь.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшишь.
Кто снидешь въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнешь бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ спрасшей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замысль давнишнихъ дней,
Бышь можешь, зрѣешь одиноко.
Какъ знашь? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хипрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неоспорожнѣй
И въ обхожденіи проснѣй.
Какъ онъ умѣешь самовластно
Сердца привлечь и разгадашь,
Умами правишь безопасно,

Чужія пайны разрѣшашь!
 Съ какой довѣрчивоспью лживой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со старцами старикъ болпливой
 Жалѣешь онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносишь власпи съ недовольнымъ,
 Съ ожесоченнымъ слезы льешь,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведешь!
 Не многимъ, можешь бышь, извѣстно,
 Что духъ его неукропимъ,
 Что радъ и честно и безчестно
 Вредишь онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
 Что далеко пресупны виды
 Старикъ надменный проспиралъ;
 Что онъ не вѣдаешь свяпыни,
 Что онъ не помнишь благоспыни,
 Что онъ не любить ничего,
 Что кровь гошовъ онъ лишь какъ воду,

Что презираешь онъ свободу,
 Что нѣшь опчизны для него.

Издавна умысль ужасный
 Взлелѣяль шайно злой спарикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣшь, дерзкій хищникъ, нѣшь, губитель!
 Скрежеща мыслишь Кочубей,
 Я пощажу твою обитель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не исплѣешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Козачей сабли. Нѣшь, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при щещныхъ оприцаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ испязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пирь, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полну наливаль,

И ночь, когда голубку нашу
Ты, спарый коршунъ, заклевалъ!...

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни
Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они —
Предъ Кочубеемъ Гешманъ скрыпной
Души мясежной, ненасыпной
Опчаспи бездну опкрывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубить

Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнешь, иль погубишь —
Опмесишь поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ зашайль.
« Въ бессильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли усpreмилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дастъ опвѣсть она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо и законъ.... »

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищешь онъ
Себѣ поварищей опважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ 13:
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копилъ,

И гнѣва женскаго полна
 Нешерпѣливая жена
 Супруга злобнаго порошишь.
 Въ пиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ пѣкій духъ, ему она
 О мщеньи шепчешь, укоряешь,
 И слезы льешь, и ободряешь,
 И кляшвы шребуешь — и ей
 Клянешся мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безспрашный Искра ¹⁴ заодно.
 И оба мысляшь: «одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жь, усердьемъ пламенья,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положишь не робѣя?»

Между Полшавскихъ Козаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,

Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью спраспной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни Украинскихъ черешень,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ спрадалъ,
И крапкой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда набхали полною
Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
Уныль и сирь онъ удаился.
Когда же вдругъ межъ Козаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила;
И пушь Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хопя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ;

То онъ блѣднѣль, перзаясь шайно,
И взоры въ землю опускаль.

Кшо при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдешь на конѣ?
Чей это конь неушомимой
Бѣжишь въ степи необозримой?

Козакъ на сѣверь держишь путь,
Козакъ не хочешь отдохнушь
Ни въ чиспомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ сшкло булашь его блестяшь,
Мѣшокъ за пазухой звенишь,
Не сполыкаясь конь решивой
Бѣжишь, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булашь пошѣха молодца,
Решивый конь пошѣха шоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставишь радъ
 Коня, червонцы и булавъ,
 Но выдасшь шапку только съ бою,
 И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожишь?
 За шѣмъ, что въ ней доносъ зашишь,
 Доносъ на Гешмана злодѣя
 Царю Петру опъ Кочубея.

Грозы не чуя между шѣмъ,
 Неужасаемый ничѣмъ,
 Мазепа козни продолжаетъ.
 Съ нимъ полномощный Езуишь¹⁵
 Мяшежъ народный учреждаетъ
 И шапкѣй проишь ему сулишь.
 Во шѣмъ ночной они какъ воры
 Ведушь свои переговоры,
 Измѣну цѣняшь межъ собой,
 Слогаюшь цифрь Универсаль¹⁶,
 Торгуюшь Царской головой,
 Торгуюшь кляшвами вассаловъ.

Какой-то нищій во дворець
 Невѣдомо ошколь ходишь,
 И Орликъ 17, Гешмановъ дѣлецъ,
 Его приводишь и выводишь.
 Повсюду шайно сѣюшь ядь
 Его подосланные слуги:
 Тамъ на Дону козацьи круги
 Они съ Булавинымъ 18 мушяшь;
 Тамъ будяшь дикихъ ордь опвагу;
 Тамъ за порогами Днѣпра
 Спращають буйную вшагу
 Самодержавіемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаешъ,
 И письма шлешъ изъ края въ край:
 Угрозой хипрой подымаешъ
 Онъ на Москву Бахчисарай.
 Король ему въ Варшавѣ внемлешъ,
 Въ спѣнахъ Очакова Паша,
 Во спанѣ Карль и Царь. Не дремлешъ
 Его коварная душа;
 Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй гошовишь свой ударъ;

Въ немъ не слабѣеть воля злая,
 Неушомимъ пресступный жарь.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ незапно грянулъ
 Упадшій громъ! когда ему,
 Врагу Россіи самому,
 Вельможи Рускіе 19 послали
 Въ Полшавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жершвѣ, ласки распочали;
 И озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оспавя безъ вниманья,
 Самъ Царь Гуду ушѣшалъ
 И злобу шумомъ наказанья
 Смиришь надолго обѣщаль!

Мазепа, въ гореспи припшворной,
 Къ Царю возносишь гласъ покорной.
 « И знаешь Богъ, и видишь свѣшь :
 « Онъ бѣдный Гешманъ двадцать лѣшь

- « Царю служилъ душою вѣрной;
 « Его щедрошою безмѣрной
 « Осыпанъ, дивно вознесенъ... »
 « О, какъ слѣпа, безумна злоба!... »
 « Ему ль шеперь у двери гроба
 « Начашъ ученіе измѣнъ,
 « И попомняшь благую славу?
 « Не онъ ли помощь Спаниславу ²⁰
 « Съ негодованьемъ опказалъ,
 « Сшядясь, ошвергъ вѣнецъ Украйны,
 « И договоръ и письма шайны
 « Къ Царю, по долгу, опослалъ?
 « Не онъ ли наущеньямъ Хана ²¹
 « И Цареградскаго Салшана
 « Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
 « Съ врагами бѣлаго Царя
 « Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 « Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
 « И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 « Его сѣдины опозорить!
 « И кто же? Искра, Кочубей!
 « Такъ долго бывъ его друзьями!... »

И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни пребуешь злодѣй 22....

Чьей казни?... спарець непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаешь ропоть сонный.
 Онъ говоришь: «въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаешь сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ почишь на себя шопоръ.
 Куда бѣжишь, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основаль надежды?
 Или... но дочери любовь
 Главы опцовской не искупишь.
 Любовникъ Гешману усшупишь,
 Не по моя прольешся кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
 Краса Черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь шы какаго змія

Ласкаешь на груди своей.
Какой-же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты машь забыть для нихъ могла,
Соблазномъ поспланное ложе
Ты опчей сѣни предпочла,
Своими чудными очами
Тебя спарикъ заморозилъ,
Своими шихими рѣчами
Въ шебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,

Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелесешь нѣжную спыда
 Въ своемъ упрасила паденьи....

Чшо спыдъ Маріи? чшо молва?
 Чшо для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняешся въ колѣни
 Къ ней спарца гордая глава,
 Когда съ ней Гешманъ забываешъ
 Судьбы своей и прудъ и шумъ,
 Иль пайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвѣ робкой опкрываешъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ шуча, запмеваешъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Опца и машь воображаешъ;
 Она, сквозь слезы, видишь ихъ
 Въ бездѣшной спароспи, однихъ,
 И мнишся, пѣнямъ ихъ внимаешъ....
 О, если бѣ вѣдала она,
 Чшо ужъ узнала вся Украина!

Но ошь нея сохранена
 Еще убійственная пайна.

ПОЛТАВА

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

719110

ПОЛТАВА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мрачень. Умъ его
Смущенъ жестокими мечпами.
Марія нѣжными очами
Глядишь на сшарца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему швердишь.
Напрасно: черныхъ помышленій
Ея любовь не удалишь.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно пошупляешь взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ ошвѣшшвуешь молчаньемъ.

Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, вспаешъ она

И говоришь съ негодованьемъ :

« Послушай, Гешманъ: для себя
Я позабыла все на свѣшъ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметъ:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чемъ я не жалю —
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ эту ночь, какъ спала я своею,
Меня любилъ ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь? »

М А З Е П А .

Мой другъ, несправедлива ты.
Оставь безумныя мечты;
Ты подозрѣваемъ сердце губишь:
Нѣтъ, душу пылкую свою
Волнуюшь, ослѣпляешь спрашши.

Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Не правда: ты со мной хипришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу спаршинь,
Въ пирахъ, разъѣздахъ — я забыша;
Ты долгой ночью иль одинь,
Иль съ нищимъ, иль у Езуиша.
Любовь смиренная моя
Вспрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пиль недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эша Дульская?

МАЗЕНА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искашь надменнаго привѣща
Самолубивой красоты?
И спану ль я, спарикъ суровый,

Какъ праздный юноша, вздыхашь,
 Влацишь позорныя оковы
 И жень припворспвомъ искушашь?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ опговорокъ
 И проспо, прямо ошвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
 Марія; такъ и бышь: узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипишь у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровишельспвомъ Варшавы,
 Подъ самовласшіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украйнѣ бышь уже пора:
 И знамя вольности кровавой
 Я подымаю на ПЕТРА.

Гошова все : въ переговорахъ
 Со мною оба Короля ;
 И скоро въ смусахъ , въ бранныхъ спорахъ ,
 Бышь можешь , шронъ воздвигну я .
 Друзей надежныхъ я имѣю :
 Княгиня Дульская и съ нею
 Мой Езуишь , да нищій сей
 Къ концу мой замысль приводяшь .
 Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходяшь
 Наказы , письма Королей .
 Вопь важныя тебѣ признанья .
 Довольна-ль ты ? Твои мечшанья
 Разсѣяны ль ?

МАРІЯ.

О милый мой ,
 Ты будешь царь земли родной !
 Твоимъ сѣдинамъ какъ приспанешъ
 Корона царская !

МАЗЕПА.

Поспой ,
 Не все свершилось . Буря грянешъ ;
 Кто можешь знашь , что ждешъ меня ?

МАРІЯ.

Я близь тебя не знаю страха —
Ты шакъ могущь! О знаю я:
Тронь ждешь шебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?..

МАРІЯ.

Сь шобой на плаху, если шакъ.
Ахъ, пережишь шебя могу ли?
Но нѣшь: ты носишь власпи знакъ.

МАЗЕПА.

Меня шы любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: опецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ шакой? шревожишь
Меня напрасно онъ. Семью
Сшараюсь я забышь мою.

Я спала ей въ позорь; бышь можешь,
(Какая спрашная мечша!)

Моимъ опцемъ я прокляша,

А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже

Тебѣ опца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Чшо жь? опвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши шы сама.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бь намъ,

Ему иль мнѣ, погибнуть надо,

А шы бы намъ судьей была,

Кого бь шы вы жершву принесла,

Кому бы шы была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердцане смущай!

Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Опвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣдень; рѣчь швоя сурова...
 О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ гошова
 Тебѣ я жершвовашь, повѣрь;
 Но спрашны мнѣ слова шакія.
 Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
 Чшо шы сказала мнѣ шеперь.

Тиха Украинская ночь.

Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
 Своей дремошы превозмочь
 Не хочешъ воздухъ. Чуть шрепещуть
 Сребриспыхъ пополей лиспы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяешъ
 И пышныхъ Гешмановъ сады
 И спарый замокъ озарешъ.

И шихо, шихо все кругомъ ;
 Но въ замкѣ шопопъ и смяшенъе.
 Въ одной изъ башень , подь окномъ ,
 Въ глубокомъ , шяжкомъ размышленъь ,
 Окованъ , Кочубей сидишь
 И мрачно на небо глядишь.

† Заупра казнь. Но безъ боязни
 Онъ мыслишь обь ужасной казни ;
 О жизни не жалѣеть онъ.
 Чшо смерть ему? желанный сонъ.
 Гошовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долишь. Но , Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя , молча , пасшь
 Какъ безсловесное созданье ,
 Царемъ бышь опдану во власшь
 Врагу Царя на поруганье ,
 Упрашишь жизнь — и съ нею честь ,
 Друзей съ собой на плаху весшь ,
 Надъ гробомъ слышашь ихъ прокляшья ,
 Ложась безвиннымъ подь шопоръ ,
 Врага веселый встрѣшишь взоръ

И смерти кинуться въ объятья,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полшаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богашство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и шрудъ и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Чшо добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремишь — и пробуждѣнь
 Несчастный думаешь: вошь онъ!
 Вошь на пуши моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
 Грѣховъ могущій разрѣшишель,
 Духовной скорби врачъ, служишель
 За насъ распяшаго Христа,
 Его свящую кровь и шѣло

Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
 Да присуплю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Гошовъ несчастный Кочубей
 Передь Всесильнымъ, Безконечнымъ
 Излишь шоску мольбы своей.
 Но не опшельника свяпаго,
 Онъ гостя узнаешь инаго:
 Свирѣпый Орликъ передь нимъ.
 И опшраценіемъ помимъ,
 Спрадалецъ горько вопрошаешь:
 Ты здѣсь, жестокой человекъ?
 Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
 Еще Мазепа возмущаешь?

Орликъ.

Допросъ не конченъ: опшвѣчай.

Кочубей.

Я опшвѣчалъ уже: спупай,
 Опшавъ меня.

Орликъ.

Еще признанья

Панъ Гешманъ пребуешь.

Кочубей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
 Чшо вы хошѣли. Показанья
 Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
 Я спрою козни. Гешманъ правъ.
 Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
 Чшо ты несчетно былъ богашъ;
 Мы знаемъ: не единый кладъ
 Тобой въ Диканькѣ²³ укрываемъ.
 Свершишься казнь швоя должна;
 Твое имѣніе сполна
 Въ казну поступишь войсковую —
 Таковъ законъ. Я указую
 Тебѣ послѣдній долгъ: ошкрой,
 Гдѣклады скрытые шобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: при клада
 Въ сей жизни были мнѣ опрада.
 И первый кладъ мой чесь была,
 Кладъ эшошь пышка ошняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый
 Чесь дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эшошь кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой прешій кладъ: свяшую месшь.
 Ее гошовлюсь Богу снесшь.

Орликъ.

Сшарикъ, оставь пустыя бредни:
 Сегодня покидая свѣшь,
 Пишайся мыслию суровой.
 Шушишь не время. Дай опвѣшь,
 Когда не хочешь пышки новой:
 Гдѣ спряшаль деньги?

Кочубей.

Злой холопь!

Окончишь ли допросъ нелѣпой?

Повремени : дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда спулай себѣ съ Мазепой
 Мое наслѣдіе счишашь
 Окровавленными перспами,
 Мои подвалы разрывашь,
 Рубишь и жечь сады съ домами.
 Съ собой возмише дочь мою;
 Она сама вамъ все расскажешь,
 Сама всѣ клады вамъ укажешь;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряшаль деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ? скажи,
 Иль выйдешь слѣдствіе плохое.
 Подумай : мѣсто намъ назначь.
 Молчишь? — Ну, въ пышку. Гей, палачь! 24

Палачь вошелъ.....

О, ночь мученій!
 Но гдѣ же Гешманъ? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ ошъ угрызений

Змѣиной совѣсти своей?
 Въ свѣщницѣ дѣвы усыпленной,
 Еще незнаніемъ блаженной,
 Близъ ложа крестницы молодой
 Сидишь съ поникшею главою
 Мазепа тихій и угрюмый.
 Въ его душѣ проходящъ думы,
 Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
 « Умрешь безумный Кочубей;
 Спаси не лзя его. Чѣмъ ближе
 Цѣль Гешмана, тѣмъ шверже онъ
 Быть долженъ власшью облеченъ,
 Тѣмъ передъ нимъ склоняшься ниже
 Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
 Доносчикъ и его клеверешъ
 Умрушь. » Но брося взоръ на ложе,
 Мазепа думаешь: « о Боже!
 Чшо будешь съ ней, когда она
 Услышишь слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ —
 Но тайна бытъ сохранена
 Не можешь долѣ. Съкира,

Упавъ поупру, загремишь
По всей Украинѣ. Голось міра
Вокругъ нея заговоришь!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены;
Топшь стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну шелегу впрячь неможно
Коня и препешную лань.
Забылся я неоспорожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаешь,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ спарцу мрачному — и что же?
Какой гошовлю ей ударъ! — »
И онъ глядишь: на шихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣешь нѣжно!
Успа раскрылись; безмяшежно
Дыханье груди молодой;
А завшра, завшра... содрогаюсь

Мазепа отворачиваетъ взглядъ,
 Встаешь и тихо пробираясь
 Въ уединенный сходишь садъ.

Тиха Украинская ночь.

Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
 Своей дремошы превозмочь
 Не хочешь воздухъ. Чуть препенуть
 Сребристыхъ пополей листья.
 Но мрачны спранные мечны
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ.
 И пополи, спѣсившись врьдъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчуть межъ собою.
 И лѣшней, теплой ночи шма
 Душна, какъ черная шюрма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный сонъ
 Какъ бы изъ замка слышишь онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья,

Иль плачь совы, иль звѣря вой,
 Иль пышки спонь, иль звукъ иной —
 Но шолько своего волненья
 Преодолѣшь не могъ спарикъ
 И на просяжный слабый крикъ
 Другимъ опшѣшшвоваль — шѣмъ крикомъ,
 Копорымъ онъ въ весельи дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,
 Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И — съ нимъ... и съ эшимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакаль.

Зари багряной полоса
 Объемлешь ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роць и волны рѣкъ.
 Раздался упра шумъ игривый,
 И пробудился чловѣкъ.

Еще Марія сладко дышишь,
 Дремой объашая, и слышишь

Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.

Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Опъ блеска упренныхъ лучей.

Марія руки просянула

И съ нѣгой помною шепнула:

Мазена, шы?... Но голосъ ей

Иной ошвѣстивуешь... о Боже!

Вздоргнувь, она глядишь... и что же?

Предъ нею машь...

М а т ь.

Молчи, молчи;

Не погуби насъ: я въ ночи

Сюда прокралась оспорожно

Съ единой, слезною мольбой.

Сегодня казнь. Тебѣ одной

Свирѣпство ихъ смягчишь возможно.

Спаси отца.

Дочь, въ ужасѣ.

Какой отецъ?

Какая казнь?

М а т ь .

Иль шы донынѣ

Не знаешь?... нѣшь! шы не въ пуспынѣ,
 Ты во дворцѣ; шы знашь должна,
 Какъ сила Гешмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ Государь ему внимаешь —
 Но вижу: скорбную семью
 Ты опвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну заспаю,
 Когда свершають судь свирѣпый,
 Когда чишають приговоръ,
 Когда гошовъ опцу попоръ —
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія,
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси опца, будь ангель намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжешь,
 Ты можешь ихъ попоръ опвесшь.
 Рвись, пребууй — Гешманъ не опкажешь:
 Ты для него забыла чесшь,
 Родныхъ и Бога.

Д о ч ь.

Что со мною?

Опець... Мазепа... казнь — съ мольбою
Здѣсь, въ эпомъ замкѣ машь моя —
Нѣшь, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

М а т ь.

Богъ съ побою,
Нѣшь, нѣшь — не грезы, не мечшы.
Уже ль еще не знаешь ты,
Что твой опець ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой меспи увлеченный,
Царю на Гешмана донесъ —
Что въ испязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ спыдѣ безумной клеветы,
Что, жершва смѣлой правошы,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ Громадой войсковою,
Когда его не осынишь
Десница вышняя Господня,

Онъ долженъ быть казненъ сегодня,
 Что здѣсь покаместъ онъ сидитъ
 Въ шюреной башнѣ.

Д о ч ь.

Боже, Боже!...
 Сегодня! — бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Песпрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки ²⁵.
 Въ строяхъ ровняются полки.
 Толпы кипящъ. Сердца пренецуютъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелился.
 Средь поля роковой помосць.
 На немъ гуляешь, веселился
 Палачъ и алчно жертвы ждесть:
 То въ руки бѣлыя беретъ,
 Играючи, шопоръ сяжелой,
 То шумитъ съ чернью веселой.

Въ гремящій говоръ все слилось :
Крикъ женскій, брань , и смѣхъ , и ропоть.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Быль слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ , окруженный сердюками ,
Вельможный Гешманъ съ спарщинами
Скакаль на ворономъ конѣ.
А памь по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ шревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней , съ міромъ , съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный ,
Сидѣль безвинный Кочубей ,
Съ нимъ Искра тихій , равнодушный ,
Какъ агнецъ , жребію послушный,
Телега спала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ,
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молился народъ ,
Спрадальцы за враговъ. И вопль

Идушь они, взошли. На плаху,
Крещаясь, ложился Кочубей.
Какъ будшо въ гробъ шмы людей
Молчашь. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И опскачила голова.
Все поле охнуло. Другая
Кашишя вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію шрава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Пошрясь ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идешь, разсынавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже полкуешъ межъ собой.
Пущѣешь поле понемногу.
Тогда чрезъ пешрую дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Ушомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни

Спѣшили полныя болзни.
 Ужь поздно, кшо-шо имъ сказали
 И въ поле першомъ указаль.
 Тамъ роковой намоспъ ломали,
 Молился въ черныхъ ризахъ попь,
 И на шелегу подымали
 Два козака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною полпой
 Мазепа, грозень, удалялся
 Опъ мѣспа казни. Онъ перзался
 Какой-шо спрашной пустошой.
 Никшо къ нему не приближался,
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ пѣнь мчался конь его.
 Домой прѣхавъ, чшо Марія?
 Спросилъ Мазепа. Слышипъ онъ
 Ошвѣшы робкіе, глухіе...
 Невольнымъ спрахомъ поражень,
 Идешъ онъ къ ней; въ свѣшлицу входипъ:
 Свѣшлица шихая пуспа —
 Онъ въ садъ, и шамъ смященный бродипъ;

Но вокруг широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зовешь онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхаль,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала —
 Мазепа молча скрежешаль.
 Зашихнувъ, челядь пренешала.
 Въ груди кипучій ядънося,
 Въ свѣшлицѣ Гешманъ заперся.
 Близъ ложа шамъ во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою помимъ.
 Поупру, посланные слуги

Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрышо,
Въ крови, разшеряно, избито —
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ какъ будшо звукъ пустой,
И машъ одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищешой.

У 1916 С

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

1919

ПОЛТАВА.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Души глубокая печаль
Спремись дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаешь.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаешь.
Межъ шѣмъ, чшобъ обманушь вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложь мнимаго мученья
Споная молишь изцѣленья.

Плоды страшей, войны, трудовъ,
 Болъзни, дряхлость и печали,
 Предсечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже гоповъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставишь;
 Свяшой обрядъ онъ хочешь править,
 Онъ Архипастыря зовешь
 Къ одру сомнительной кончины:
 И на коварныя сѣдины
 Елей шаиншвенный печешь.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь спарыхъ, вражескихъ могиль
 Гоповя Шведамъ призна пайну.
 Незапно Карль поворошилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталь. Вспаешь съ одра
 Мазепа, сей спрадалецъ хилой,
 Сей прупъ живой, еще вчера
 Спонавшій слабо надъ могилой.

Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ , бодрый, предъ полками
 Сверкаешь гордыми очами
 И саблей машешь — и къ Деснѣ
 Проворно мчишь на конѣ.
 Согбенный паяжко жизнью спарой ,
 Такъ онъ хитрый Кардиналь ,
 Вънчавшись Римскою тиарой ,
 И прямъ , и здоровъ , и молодъ сталъ.

И вѣшь на крыльяхъ полетѣла.
 Украина смушно зашумѣла.
 « Онъ перешелъ , онъ измѣнилъ ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный. » Пламя пышетъ ,
 Вспаешь кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишешь

Негодованье , гнѣвъ Царя ²⁶ ?
 Грмишь анаѳема въ Соборахъ ;
 Мазелы ликъ шерзаешь капъ ²⁷ .
 На шумной Радѣ , въ вольныхъ спорахъ

Другаго Гешмана шворяшь,
 Съ бреговъ пуспынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаешь,
 Онъ ихъ, лаская, ссыпаешь
 И новой чеспью и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
 Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдешь въ Царскій шань.
 Трепещешь буншъ осирошѣлой.
 На плахъ гибнешъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскій Ашамань.
 И пы, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, пы валь Полшавы
 Вдали завидѣль наконецъ.

И Царь шуда жъ помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря пришекли —
 И оба шана средъ равнины
 Другъ друга хипро облегли:

Неразь избишый въ схвапкѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣмый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходишя боець.
 И злобась видишь Карль могучій
 Ужь не разспроенныя шучи
 Несчастливыхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нишь полковъ блестящихъ, спройныхъ,
 Послушныхъ, быспрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый шшыковъ.

Но онъ рѣшилъ: заупра бой.
 Глубокой сонъ во спанѣ Шведа.
 Лишь подъ палашкою одной
 Ведешя шопопомъ бесѣда.

« Нѣшь, вижу я, нѣшь, Орликъ мой,
 Пшоропились мы не кшаци:
 Расчешъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будешъ благодаши.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Чшо дѣлашь? даль я промахъ важной:

Ошибся въ этомъ Карлъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и опважной;
 Два - при сраженья разыграшь,
 Конечно, можешь онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакашь 29,
 Опвѣшшвовашъ на бомбу смѣхомъ 30;
 Не хуже Рускаго спрѣлка
 Прокрасься въ ночь ко вражью спану;
 Свалишь какъ нынче козака
 И обмѣняшь на рану рану 31;
 Но не ему весши борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ вершѣшься онъ судьбу
 Принудишь хочешь барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, неперпѣливъ,
 И легкомыслень, и кичливъ,
 Богъ вѣспъ какому счастью вѣришь;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ полько мѣришь —
 Слочишь ему свои рога.
 Спыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на спаросшь лѣшь;

Быль ослѣпленъ его опвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣды
Какъ дѣва робкая.»

О р л и к ъ .

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опяшь войши въ сношенья!
Разбитый нами, нѣшь сомнѣнья,
Царь не опвергнешь примиренья.

М а з е п а .

Нѣшь, поздно. Рускому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Спѣсенной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во спавкѣ ночью пироваль:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смушились госпи молодые —
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ

И за усы мои съдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Опмстишь себѣ я кляшву даль;
 Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
 Младенца носишь. Срокъ наспаль.
 Такъ, обо мнѣ воспоминанье
 Хранишь онъ будешь до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье;
 Я шернь въ лиспахъ его вѣнца:
 Онъ даль бы грады родовые
 И жизни лучшіе часы,
 Чшобъ снова какъ во дни былые
 Держашъ Мазепу за усы.
 Но ешь еще для насъ надежды:
 Кому бѣжашъ, рѣшишь заря.

Умолкъ и закрываешь вѣжды
 Измѣнникъ Рускаго Царя.

Горишь воспокъ зарею новой.
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ

Грохочуть пушки. Дымъ багровой
Кругами всходишь къ небесамъ
Навспрѣчу упреннымъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались снѣжки.
Капая ядра, свишущь пули;
Нависли хладные шныки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвущся Шведы;
Волнуясь, конница лешишь;
Пѣхоша движется за нею
И тяжкой швердосиью своею
Ея стремленія крѣпишь.
И битвы поле роковое
Гремишь, пылаешь здѣсь и шамъ;
Но явно счастье боевое
Служишь ужь начинаешь намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падають во прахъ.
Уходишь Розень сквозь шѣснины;
Сдаётся пылкй Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рапъ за рапью;

Темнѣесть слава ихъ знамень,
И Бога браней благодастью
Нашъ каждый шагъ запечашлѣнь.

Тогда-шо свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
« За дѣло, съ Богомъ! » Изъ шапра
Толпой любимцевъ окруженный
Выходишь Петръ. Его глаза
Сіяюшь. Ликъ его ужасень.
Движенья быспры. Онъ прекрасень,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идешь. Ему коня подводяшь.
Решивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожишь. Глазами косо водить
И мчишься въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жарь пылаешь.
Какъ пахарь, бишва опдыхаешь.
Кой-гдѣ гарцюють козаки.

Ровняясь строясь полки.
 Молчишь музыка боевая.
 На холмахъ пушки присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра,

И онъ промчался предъ полками,
 Могущь и радоспень какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ во слѣдъ неслись толпой
 Сии пшеницы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнаго,
 Въ шрудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шеремешевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный власпелинъ.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,

Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
 Спрадая раной, Карль явился.
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу шихо погрузился.
 Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненье.
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...
 Вдругъ слабымъ маниемъ руки
 На Рускихъ двинуль онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины:
 И грянуль бой, Полшавскій бой!
 Въ огнѣ, подѣ градомъ раскаленнымъ,
 Спѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ спроемъ свѣжій спрой
 Шпыки смыкаешъ. Тяжкой шучей
 Ошряды конницы лешучей,
 Браздами, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубящя съ плеча.

Бросая груды пѣль на груду,
 Шары чугунные повсюду
 Межь ними прыгають, разяшь,
 Прахъ роють и въ крови шипяшь.
 Шведь, Рускій — колешь, рубишь, рѣжешь.
 Бой барабанный, клики, скрежешь.
 Громъ пушекъ, шопось, ржанье, спонь,
 И смершь и адъ со всѣхъ споронь.

Среди шревоги и волненья,
 На бишву взоромъ вдохновенья
 Вожди спокойные глядяшь,
 Движенья рашныя слѣдяшь,
 Предвидяшь гибель и побѣду,
 И въ пишинѣ ведушь бесѣду.
 Но близъ Московскаго Царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ козаками,
 Сердечной ревностью горя,
 Онъ окомъ опышнымъ героя
 Взираешь на волнение боя.
 Ужь на коня не вскочишь онъ,

Одрахъ въ изгнаньѣ сиропья,
 И козаки на кличъ Палья,
 Не налешяшь со всѣхъ споронь!
 Но чшожь его сверкнули очи,
 И гнѣвомъ, будшо мглою ночи,
 Покрылось старое чело?
 Чшо возмушишь его могло?
 Иль онъ, сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
 Врага Мазепу, и въ сей мигъ
 Свои лѣша возненавидѣлъ
 Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
 Взираль на бипву, окруженный
 Толпой мяшежныхъ козаковъ,
 Родныхъ, шаршинъ и сердюковъ.
 Вдругъ выспрѣлъ. Старецъ обратился.
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкетный спволь еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой козакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнь и пыли,

Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Козакъ на Гепмана спремился
Сквозь бивву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Спарикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но козакъ
Ужь умиралъ. Попухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помершвѣлой ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чушь лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнушся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ 32:
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ шупяшся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируешь Петръ. И гордь и ясень,
 И славы полонъ взоръ его.
 И Царскій пиръ его прекрасень.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шашрѣ своемъ онъ угощаешь
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаешь,
 И за учители своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
 Чью долговременную злоспъ
 Смирить Полпавскій побѣдиль?
 И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Иуда въ спрахъ?
 Зачѣмъ Король не межъ гостей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ³³?

Верхомъ, въ глуши шепей нагихъ,
 Король и Гешманъ мчашся оба.
 Бѣгущь. Судьба связала ихъ.

Опасность близкая и злоба
 Дарюшь силу Королю.
 Онъ рану шажкую свою
 Забыль. Поникнувъ головою,
 Онъ скачешъ, Рускими гонимъ,
 И слуги вѣрные шелпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старый Гешманъ скачешъ рядомъ.
 Предъ ними хушоръ... Чшо же вдругъ
 Мазепа будшо испугался?
 Чшо мимо хушора помчался
 Онъ спороной во весь опоръ?
 Иль эшошъ запушѣмый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле опшершая дверь
 Какой нибудь разказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Свяшой невинности губишель!
 Узналъ ли ты сию обишель,

Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шушилъ бывало за споломъ?
 Узналъ ли ты приюсть укромный,
 Гдѣ мирный ангель обишалъ,
 И садъ, откуда ночью тѣмной
 Ты вывелъ въ степь... Узналь, узналь!

Ночныя тѣни степь объемяють.
 На брегъ синяго Днѣпра
 Между скалами чушко дремяють
 Враги Россіи и Петра.
 Щадяшь мечшы покой героя,
 Уронъ Полшавы онъ забыль.
 Но сонъ Мазепы смущень былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналь покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночью
 Его зовушь. Онъ пробудился.
 Глядишь: надъ нимъ, грозя перспомъ,
 Тихонько кпо-шо наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ шопоромъ...

Предъ нимъ съ развишыми власами,
 Сверкая впалыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худая, блѣдная,
 Споишь, луной освѣщена...

« Иль это сонъ?... Марія... ты ли? »

МАРІЯ.

Ахъ, пише, пише, другъ!.. Сей часъ
 Опець и машь глаза закрыли...

Поспой... услышашь могушь насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!

Опомнись! Боже!... Чшо съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!

Чшо за разсказъ у нихъ смѣшной?

Она за шайну мнѣ сказала,

Чшо умерь бѣдный мой опець

И мнѣ пихонько показала

Съдую голову — Творецъ!

Куда бѣжашь намъ опъ злорѣчья?

Подумай: эша голова

Была совсѣмъ не человѣчья,

А волчья — видишь : какова !
 Чѣмъ обманушь меня хошѣла !
 Не стыдно ль ей меня шерзашь ?
 И для чего ? чшобъ я не смѣла
 Съ шобой сегодня убѣжашь !
 Возможно ль ?

Съ горесшью глубокой
 Любовникъ ей внималь жесшокой.
 Но, вихрю мыслей предана,
 Однако жь, говоришь она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мершвыя шѣла...
 На праздникъ машь меня вела...
 Но гдѣ жь шы былъ?... Съ шобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скишаюсь я ?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужь поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пуспаго :
 Я принимала за другаго
 Тебя, шарикъ. Осшавъ меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасень.
 Ты безобразень. Онъ прекрасень :

Въ его глазахъ блещишь любовь,
 Въ его рѣчахъ такая нѣга!
 Его усы бѣлѣ снѣга,
 А на швоихъ засохла кровь.

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ шемношѣ ночной.

Рѣдѣла пѣнь. Воспокъ алѣль.
 Огонь козачій пламенѣль.
 Пшеницу козаки варили;
 Драбаншы у брегу Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карль. « Ого! пора!
 Вспавай, Мазепа. Разсвѣшаетъ. »
 Но Гешманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, шоска его снѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдаетъ,
 И скачешъ съ бѣглымъ Королемъ,

И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жь оспалось
 Опъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Спомъ полныхъ волею спрасшей?
 Ихъ поколѣнье миновалось —
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
 Усилій, бѣдспвій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинспвенной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, Герой Полшавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ спранѣ — гдѣ мѣльницъ рядъ крылашый
 Оградой мирной обспупиль
 Бендеръ пуспынные раскашы,
 Гдѣ бродяшъ буйволы рогашы
 Вокругъ воинспвенныхъ могиль —

Останки разоренной сѣни,
 Три углубленныя въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласяшь о Шведскомъ Королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ въ полѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой раши приспугъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
 И щещно памъ пришлецъ унымый
 Искаль бы Гешманской могилы:
 Забышь Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ поржеспвующей свящынѣ
 Разъ въ годъ анаемой донинѣ,
 Грозя, гремишь о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ спрадальцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь приютила 34.
 Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праощахъ казненныхъ
 Донинѣ внукамъ говоряшь.

Но дочь преступница... преданья
Объ ней молчашь. Ея спраданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою шмою
Ошь насъ закрышы. Лишь порою
Сльпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передь народомъ
Онъ пѣсни Гешмана бренчишь,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Козачкамъ юнымъ говорись.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей, генеральный Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

2. Хуторъ — загородный домъ.

3. У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Машреной.

4. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но былъ опказанъ.

5. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патриотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6. Бунчукъ и булава — знаки Гепманскаго достоинства.

7. Смолр. Мазепу Байрона.

8. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Рускаго владычества.

9. Григорій Самойловичъ , сынъ Гепмана, сосланнаго въ Сибирь въ началъ царствованія ПЕТРА I.

10. Симеонъ Палѣй , Хвостовскій Полковникъ , славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ , шо и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его , былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11. Коспя Гордѣенко , Кошевой Апаманъ Запорожскихъ козаковъ. Въ послѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12. 20.000 Козаковъ было послано въ Лифляндію.

13. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его , *гордая и високоушная.*

14. Искра , Полтавской Полковникъ , товарищъ Кочубея , раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

15. Езуипъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего опечесства, были главными агенсами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно.

16. Такъ назывались манифеспы Гепмановъ.

17. Филиппъ Орликъ, генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пустой шипуль Малороссійскаго Гепмана. Въ послѣдствіи принялъ Магомешанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

18. Булавинъ, Донской козакъ, бунповавшій около того времени.

19. Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

20. Въ 1705 году. Смолр. примѣчанія къ Исп. Малороссіи, Б. Каменскаго.

21. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

22. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, и неопустуно претребовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными спарцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

23. Деревня Кочубея.

24. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пыпанъ въ войскѣ Гепмана. По ошвѣпамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ ушаенныхъ.

25. Войско, соспоявшее на собственномъ иждивеніи Гепмановъ.

26. Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быспропой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи.

« 1708 Ноября 7 числа, по Указу Государеву, козаки по обычаю своему вольными голосами выбрали въ Гепманы Полковника Спародубскаго Ив. Скоропадскаго.

« 8 числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской, Переяславской Архіепископы.

« А 9 дня предали кляпвѣ Мазепу оныя Архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли и снявъ кавалерію (которая на шу персону была надѣта съ банпомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, шацилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсили.

« Въ Глуховѣ же 10 дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ... » (*Журналъ Петра Великаго.*)

27. Малороссійское слово. Поруски палачъ.

28. Чечель опчаянно защищаль Бапуринъ пропивъ войскъ Кн. Меншикова.

29. Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смолпр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

30. Ахъ, В. В.! бомба!... — « Что естъ общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши. » Это случилось гораздо послѣ.

31. Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхаль на козаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакаль прямо къ нимъ и одного изъ

нихъ заспрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Козаки дали по немъ при выспрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

32. Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо (сказано въ Жур. ПЕТРА Вел.) непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* ПЕТРЪ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

33. L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радовался) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

.
 Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient

ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

34. Обезглавленные шѣла Искры и Кочубей были опданы родспвенникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ еспесмо положены суци,
Понеже намъ спрасить и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіешъ о насъ ши вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсь нашу,
Спраданія и смерти испыймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны засавше шопоромъ во главы;
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Машери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ живошъ вѣчный.»

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василий Кочубей, Судія генеральный; Іоаннь Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же шѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обипели святой Печерской на семь мѣстѣ погребены.»

С 1791

У 1916 С П 16 Г 7

80-3

1916

1916

